

Кандакур Диордий

04.09.06

Курс социалистического реализма

В Новом Манеже открылась выставка, посвященная столетию со дня рождения

Дмитрия Налбандяна

Ксения Воротынцева

*изделие
сентябрь 2006-го
с 70. с. 100.*

Из работ народного художника СССР и советского академика Налбандяна, рисовавшего сериями портреты Ленина, Сталина и Брежнева, в экспозиции, которая открылась в Новом Манеже, оказалось совсем мало больших политических картин. Можно подумать, что это – попытка оправдать ангажированность художника, из-за которой его не любят нынешние критики. Чтобы образ придворного живописца был более человечным, на выставке показали работы, которые Налбандян делал для себя, – портреты обычных людей, пейзажи, натюрморты.

В них больше свободы, чем в портретах вождей, – Дмитрий Налбандян работает широкими мазками и в разных манерах: переходит от классического русского реализма к легкому импрессионизму, изображая Париж, Тбилиси, Москву. Эти пейзажи и натюрморты, кстати, сегодня в цене, работы одного из мэтров соци-

Игрушечная ракета на столе
Хрущева, нацеленная
вместе со взглядом
хозяина куда-то за пределы
картины, утверждает:
лучшее еще впереди

алистического реализма сегодня востребованы, дождаются, как и целое направление в искусстве: в цене хорошая школа и тот самый академизм. И все же Налбандян запомнится не пейзажами – он не сделал в живописи революции и не изобрел свой язык, его современник и тоже армянин Мартирос Сарьян был ярче и оригинальней.

Налбандян долго, с 1933 года, рисовал менявшуюся политическую элиту. Он интересен не как индивидуальность, а как регистратор времени. Портреты и многофигурные композиции, если забыть о политических страстиах, хороши и как академичные примеры соцреализма, и как документы, которые точно изображают дух эпохи.

Ленин, например, которого Налбандян рисует в серии работ – Лениниане – и получает за нее потом Ленинскую премию, воплощает распространявшийся пропагандой миф о простоте. «Ленин в Горках» – это слишком простой для вождя интерьер. «Ленин на Красной площади» – хрестоматийный выход в народ.

Пышный сталинский ампир на картинах с фигурой Сталина – сигнал другой эпохи. Большая страна, которая выиграла войну, утверждала себя имперским стилем («Торжественный прием в Кремле»). В портрете Хрущева опять все меняется, исчезает золото и мощная архитектура. Пространство не перегружено, а игрушечная ракета на столе, нацеленная вместе со взглядом Хрущева куда-то за пределы картины, утверждает: лучшее еще впереди. Этакий футуризм того времени, который проявлялся не только в официозе, но и в массовой культуре – появлялись поп-песенки о полетах в космос.

Официальное искусство долго принимало вид соцреализма, и как к этому ни относись, как ни презирай успешного Налбандяна за то, что он перерисовал всю советскую верхушку и многих иностранцев – вроде Мао или Индиры Ганди, – он запомнится не видами Парижа, а именно портретами партийной элиты. Над важными надутыми лицами вождей до сих пор насмеялся соц-арт – любимый критиками и деконструирующий большой стиль, однако Комар и Меламид оказались просто пародистами, комментариями к нелюбимому ими стилю, а комментарии обычно забываются быстрым.